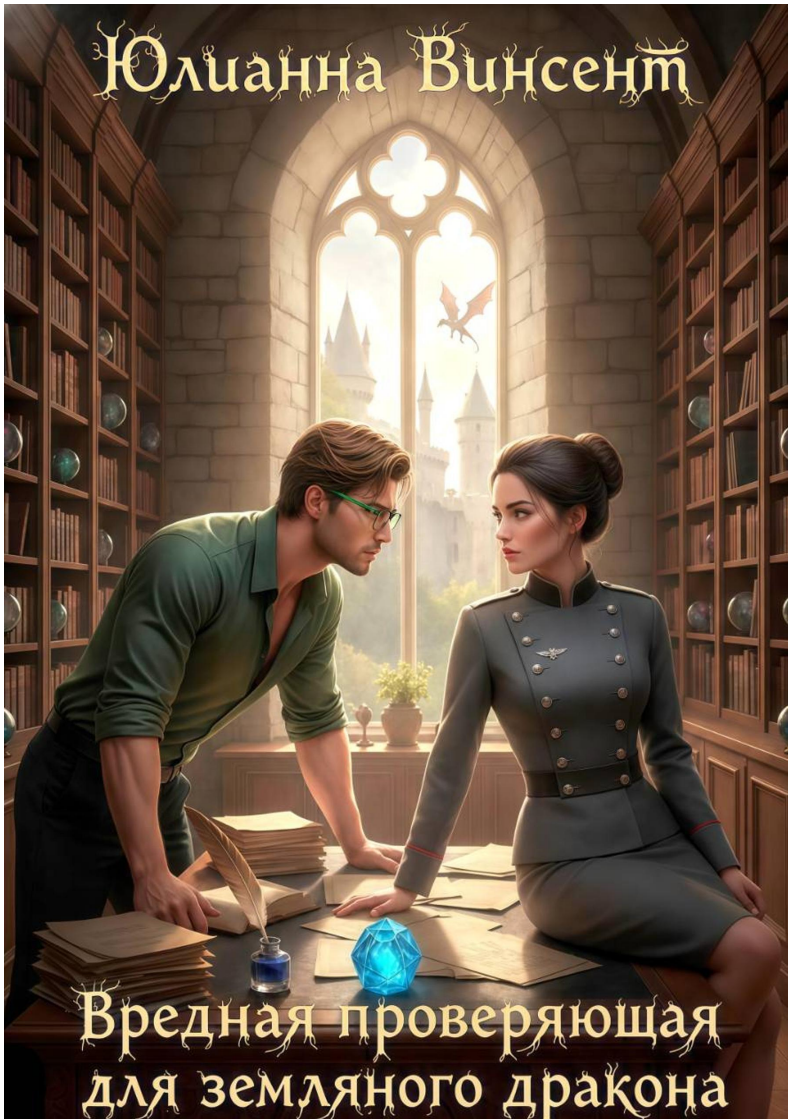

Юлианна Винсент

Вредная проверяющая
для земного дракона

Юлианна Винсент

Вредная проверяющая для земляного дракона

<https://litres.ru/74463653>

SelfPub; 2026

Аннотация

В АКАДЕМИЮ СОЗНАНИЯ СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ НОВЫЙ РЕКТОР, ПОТОМУ ЧТО СТАРЫЙ СИЛЬНО ЗАНЯТ СПОРОМ С ПРОВЕРЯЮЩЕЙ!

Я — ищейка Верховного дракона. Я чту закон, не задаю вопросов. Я нахожу компромат и ухожу.

Мне поручили сместить ректора Академии Сознания. Верховный считает, что он зарвался. Что он забыл, кто здесь главный и пришло время поставить его на место.

Моя задача — найти то, что его уничтожит.

Но чем дольше я нахожусь в его академии, тем меньше понимаю, где заканчивается закон и начинается справедливость. Он ведет себя абсолютно не так, как подобает благовоспитанному ректору и смотрит на меня, будто знает все мои секреты.

Я не должна сомневаться. Не должна жалеть. Не должна идти на поводу у эмоций.

Но почему мне кажется, что кто-то играет моими чувствами и я не могу этому сопротивляться?

Содержание

Глава 1. Аудит Сознания	4
Глава 2. В которой из Вивьен никто не делает дуру	11
Глава 3. Печать взаимного надзора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлианна Винсент

Вредная проверяющая для земляного дракона

Глава 1. Аудит Сознания

Вивьен

Я ожидала чего угодно от кабинета ректора Академии Сознания — музейного порядка, стерильной чистоты, холодной казенной роскоши, но не того, что увидела.

Запах перегара ударил в нос ещё до того, как я переступила порог. Замерев в дверном проеме, я уже подняла было руку, чтобы вежливо постучать, но от первого же прикосновения дверь приоткрылась и передо мной предстал не кабинет, а место кораблекрушения.

На подоконнике одиноко грустили три пустых винных бутылки. Одна из которых была опрокинута и темно-бордовая жидкость угрюмо стекала на пол, образуя липкое пятно на полу.

На спинке массивного кресла, косо свисал парадный сюр-

тук из тёмно-зеленой ткани с серебряным шитьем по воротнику. Явно дорогой и сшитый на заказ, но, судя по внешнему виду, кем-то активно пожеванный.

Рядом с диваном, как щит, брошенный после битвы, валялся правый ботинок. Где был левый — история умалчивала.

Неплотно задернутые шторы пропускали длинную полосу утреннего солнца, которая рассекала кабинет надвое, точно лезвие гильотины. А в ее свете танцевали пылинки, потревоженные сквозняком из приоткрытого окна.

Письменный стол ректора выглядел так, будто по нему прошелся ураган: бумаги веером, чернильница опасно сдвинута к самому краю, поверх вороха раскрытых папок — надкушенное яблоко, успевшее сморщиться и потемнеть до бронзового оттенка.

“Верховный был прав, — недовольно поджав губы, подумала я. — У Грейстоуна определённо есть, что скрывать. Например то, что он не дракон, а свинья. Так и запишем под первым пунктом в докладной”.

Лично с Арденом я знакома не была и никогда его не видела, но слухи о нем ходили, как о самом педантичном и любящем чистоту и порядок ректоре во всех трех мирах. Поэтому то, что я сейчас наблюдала в его кабинете повергло меня в легкое недоумение.

— Что ж, думаю, в целом я уже нашла то, что искала, — пробурчала я себе под нос, крепче прижимая папку с доку-

ментами к груди. — Аудит можно сворачивать.

И в ту же секунду диван, стоящий спинкой к двери, издал глухой, тяжёлый, кожаный скрип, заставив меня невольно вздрогнуть.

Из-за спинки медленно, как морское чудовище из глубины, поднялась мужская рука, с длинными пальцами, выступающими бугорками вен под смуглой кожей и с серебряным кольцом на безымянном пальце. За ней показалось довольно мускулистое плечо, затем взъерошенная темная голова. Движения были медленными, рваными, словно тело ещё не решило, хочет ли оно просыпаться.

Арден Грейстоун, ректор Академии Сознания и земляной дракон в шестом поколении (я так думаю, что это был он), попытался неуклюже сесть на диване и уставился на меня одним приоткрытым глазом. Второй был плотно зажмурен, волосы торчали в разные стороны, а на щеке красовалась свежая царапина.

“Пункт два: он совершенно не умеет пить!”

Он смотрел на меня мучительно долго. Можно сказать, что я буквально слышала, как в его мозгу медленно проворачиваются шестерёнки: сначала он осознал, что в кабинете кто-то есть, потом, что этот кто-то женского пола, потом — что незнакомый. И наконец, что на мне форма внешнего аудитора Верховного Совета с серебряной брошью на воротнике и огромным гербом на той самой папке с документами, которой я закрывалась от происходящего, словно щитом.

В этом месте его открытый глаз вспыхнул недобрым изумрудным светом, он издал короткий неопределённый звук, а затем рухнул обратно на диван.

“Собственно, вот и поговорили!” — подумала я про себя, сделав пару шагов вперед к ректорскому столу.

— Я так понимаю, что празднование свадьбы лучшего друга прошло на славу? — я скорее утверждала, чем спрашивала.

— Не завидуйте, миссис... — собравшись с силами, дракон все-таки собрал себя с дивана и, поднявшись на ноги, предстал передо мной во всей красе.

— Кастельмор, — найдя более-менее чистое место на столешнице, я с громким хлопком положила на нее свой импровизированный щит с документами, после чего медленно развернулась и вновь скрестив руки на груди в защитном жесте, холодно глядя Грейстоуну в глаза, пусть и снизу вверх, потому что он был значительно выше меня, отчеканила я. — Мисс Вивьен Кастельмор. Аудитор, направленный к вам Верховным Советом, для...

— Как интересно вы произносите слово “ищейка”, — подняв руку, чтобы почесать затылок, а заодно и поиграть накаченным бицепсом у меня перед носом, задумчиво перебил меня Арден.

“Пункт три: Грейстоун умен, но нахален. И до безобразия, конечно, красив, как мужчина.

Но вот последнее предложение, я в докладную, естествен-

но, писать не буду”, — подумала я про себя, а вслух сказала: — А я смотрю, вас абсолютно не смущает тот факт, что вы стоите в разгромленном кабинете полуголый, да еще и с похмелья, перед проверяющей, от которой зависит ваше дальнейшее ректорство, — проигнорировав его выпад, парировала в ответ я.

В драконьих глазах на секунду вспыхнул изумрудный огонь, после чего Грейстоун наклонился ко мне чуть ниже и почти уткнувшись своим носом в мой, тихо спросил:

— А вы бы, мисс Кастельмор, предпочли, чтобы я был полностью голый?

— Хам! — опешив от такой неожиданности, рявкнула я и, сделав шаг назад, уперлась бедром в стол.

— Еще какой, — довольный полученным результатом, хмыкнул ректор и, лениво пнув валяющийся ботинок, направился к своему креслу

— Знаете что, господин Грейстоун! — гордо вскинув голову, процедила я сквозь зубы. — Ваше хамство переходит все границы!

Больше всего мне хотелось пристыдить его, стереть с его лица эту ехидную ухмылку и, возможно, даже подраться. Внутри меня закипала давно забытая мною ярость, что сбивало меня с толка и мешало рационально мыслить.

— Подобное поведение недопустимо! — продолжала возмущаться я как будто даже не своим голосом.

— Вы правы, мисс Кастельмор, — тут же согласился со

мной этот неандерталец. — Все-таки для встречи столь важной проверяющей, мне стоило раздеться целиком.

Впервые в жизни я не нашла, что ответить настолько откровенные издевки в свой адрес и задохнулась в возмущении. Мне резко стало душно и едва приоткрытая оконная створка не спасала ситуацию.

— Я сегодня же доложу в Совет о вашем отвратительном поведении, господин, пока еще ректор, Грейстоун! — прорычала я в ответ и почти пулей вылетела из кабинета, громко хлопнув за собой дверь.

“Хам! Мужлан! Козел! — ругалась я про себя, пересекая быстрым шагом приемную. — Да как он вообще посмел себя так вести? Я сейчас же отправлю в Совет докладную на него, в которой во всех подробностях еще под двадцатью пунктами опишу его абсолютнейшую профнепригодность! Посмотрим тогда, как ты будешь ухмыляться, негодяй чешуйчатый!”

И именно на этой мысли меня словно прошибло током. Чтобы отправить на него докладную, мне нужны были мои документы, которые я благополучно забыла в кабинете этого упыря.

“Но ничего! — ровно секунда мне понадобилась на то, чтобы поторговаться с самой собой на тему того, стоит сейчас возвращаться за папкой или нет. — Я не гордая! Нет, гордая, конечно, но ради такого дела, я вернусь! Только для того, чтобы довести задуманное до конца! Ты у меня еще по-

пляшешь, любитель бегать голышом!”

Воодушевившись предвкушаемой местью, я развернулась и отправилась обратно в полуразрушенный кабинет ректора. Но каково же было мое удивление, когда я открыла дверь и не увидела ни одного следа от того бардака, которой предстал передо мной изначально.

Кабинет был безупречно чист. Бутылки с подоконника исчезли, пол блестел, а сюртук висел на манекене у стены, отглаженный, с ровно расправленными плечами.

А сам Грейстоун сидел за столом, полностью одетый, аккуратно причесанный, в очках и внимательно изучал какие-то бумаги. Он хмуро взглянул на меня поверх очков, и в этом взгляде не было ровным счетом ничего: ни похмелья, ни стыда, ни узнавания. Вопросительно вскинул правую бровь, взглянул на часы и произнес:

— Мисс Кастельмор? Вы опоздали. Проходите!

Глава 2. В которой из Вивьен никто не делает дуру

Вивьен

— Простите? — произнесла я, на удивление абсолютно ровным голосом. Я осталась стоять на пороге, придерживая рукой дверь, потому что мне вдруг показалось, что если я сделаю шаг внутрь, то окажусь внутри ловушки. — Я опоздала?

— На семь минут, — размеренным движением он снял очки, аккуратно сложил их и положил на стол параллельно краю столешницы. — Это не катастрофа, но я предпочитаю пунктуальность. В следующий раз, если вас задержит что-то срочное, сообщите заранее. У меня плотный график.

У меня внутри что-то тихо надломилось, как лед на реке в конце марта.

— У вас. Плотный. График, — повторила я по слогам.

— Именно так, — кивнул дракон.

Медленно пройдя внутрь кабинета, я аккуратно, до щелчка, закрыла за собой дверь, потому что если бы я позволила себе ею хлопнуть еще раз, то и другое я бы себе тоже позволила. А другое в моем случае означало бы либо драку, либо увольнение по собственному, и ни то, ни другое меня не устраивало.

Пройдя к столу, я взяла свою папку. Она лежала на столешнице, ровно там, где я ее оставила, но теперь к ней была пододвинута еще и чернильница, и подставка для перьев, и, что особенно меня взбесило, чашка горячего ароматного чая, налитая ровно на две трети, как будто он знал, что я предпочитаю именно так.

— Как прикажете это понимать, господин ректор? — тихим, вежливым голосом, спросила я.

Арден сложил руки на столе и посмотрел на меня спокойным, доброжелательным взглядом, под которым я почувствовала себя провинившейся первокурсницей.

— Что именно понимать? — уточнил он.

— Это, — я обвела рукой кабинет. — Все это. Вы что, издеваетесь надо мной?

— Я? — Он удивленно-вопросительно поднял бровь. — Мисс Кастельмор, я ректор Академии Сознания. Меня назначили на эту должность за способность организовывать процессы и людей, а не за склонность к театральным эффектам. Кабинет убран. Документы подготовлены. Я готов к работе. Если у вас создалось впечатление, что я вас... разыгрываю, — он сделал паузу, ровно на одно слово, — мне жаль. Это сугубо ваше впечатление, но никак не мои действия.

“Честное слово, я сейчас с ним подерусь!” — едва сдерживая себя в рамках разумного, подумала я про себя, ненавидя себя за то, что в принципе, позволяю себе так реагировать, на какого-то дракона.

— Значит, вы отрицаете, что встречали меня в этом кабинете в неподобающем виде? Что говорили мне... — у меня даже язык не повернулся повторить это, — то, что говорили?

— Я не отрицаю факта встречи, — ровно сказал он. — Сегодня у меня была тяжелая ночь — свадьба моего ближайшего друга, как вы верно заметили, — и я позволил себе лишнего. Я не горжусь этим. Но, полагаю, аудитор такого уровня, как вы, не станет строить свое профессиональное мнение основываясь только на том, что чиновник провел бессонную ночь и не успел привести себя в порядок к восьми утра.

— Вы назвали меня ищейкой, — решила резко перевести стрелки я.

— Разве? — искренне удивился Грейстоун.

— Вы сказали, что я произношу слово “ищейка” интересно, — напомнила я.

— Это был комплимент, — он чуть наклонил голову. — У вас очень необычный акцент.

Я расхохоталась бы, если бы не была так зла. Но вместо этого, я стиснула зубы так, что заныла челюсть, и сделала шаг к столу. Положив ладонь на столешницу, я наклонилась к нему и произнесла очень, очень тихо:

— Послушайте меня внимательно, господин ректор. Я не знаю, в какую игру вы играете и зачем вам понадобилось разыгрывать передо мной этот спектакль. Может быть, вы хотели меня вывести из себя, смутить или проверяли, как я себя поведу, — я сделала вдох. — Честно говоря, мне все

равно. Но больше всего на свете, я не выношу, когда из меня делают дуру.

Арден достойно выдержал мою тихую тираду, после чего слегка подался вперед, мне навстречу, и расстояние между нами почти не осталось.

— Мисс Кастельмор, — почти шепотом произнес дракон своим низким баритоном. — Если вы заметите, что кто-то делает из вас дуру, обязательно говорите мне. Сразу же. Не держите в себе. Я разберусь.

Я замерла.

— Что? — да он издевается надо мной!

— Я ректор, — он пожал плечами, и в этом пожатии было столько же искренности, сколько в осином гнезде. — Здесь, на территории Академии, за порядок отвечаю я. Если кто-то позволит себе неуважение к представителю Верховного Совета — студент, преподаватель, даже призрак библиотеки, — я непременно приму меры. — Я почувствовала, как горячая большая ладонь легла сверху на мою, но не могла оторвать взгляда от его пронизательных изумрудных глаз. Они будто гипнотизировали меня. — Это входит в мои обязанности.

— Вы... — начала было я, но договорить не успела, потому что мою руку под его ладонью нестерпимо обожгло. — Какого черта вы делаете?

Резко выдернув руку, я увидела, как на ладони стал появляться круговой узор, явно не предвещающий ничего хорошего.

Глава 3. Печать взаимного надзора

Вивьен

Тонкий, серебристый, круговой узор с витиеватыми линиями медленно проявлялся на коже. Он не был похож на ожог, хотя кожу все еще жгло, и почему-то непреодолимо тянул меня к Ардену.

Я физически чувствовала это, как будто невидимой натянутой нитью, закрепленной где-то под ребрами, меня притягивало к этому драконьему хаму. Стоило мне мысленно дернуться в сторону и нить отозвалась глухим, неприятным скребущим ощущением в груди. Не больно, но достаточно ощутимо, чтобы дать мне понять, что делать так больше не стоит.

— Уберите это немедленно, — приказала я, потирая руку.

— Не могу, — Арден недовольно смотрел на свою ладонь, где точно такой же узор разгорался поверх линий судьбы. — Печати Совета не снимаются по желанию сторон.

— Что это вообще такое? — я наконец оторвала взгляд от собственной руки и требовательно уставилась на него. — Почему оно появилось на моей руке?

— Хватит прикидываться, что вы не в курсе, мисс Капельмор, — презрительно фыркнул ректор, выходя из-за стола. — Актриса из вас, честно сказать, никудышная.

— Как и из вас джентельмен, — не осталась в долгу я.

— А я к вам в кавалеры не набивался, — отмахнулся дракон и стал демонстративно наливать в стакан воду из кувшина.

— Джентельмен, — начала я пояснение спокойным голосом, хотя внутри у меня все клокотало от желания треснуть этого дракона чему-нибудь тяжелым, — это сдержанный, благовоспитанный мужчина, строго соблюдающий нормы поведения, принятые в обществе. И ваша реплика про кавалера здесь абсолютно неуместна. Хотя, откуда такому брандахлысту, как вы, это знать?

С этими словами, я, решив, что этот раунд я точно выиграла, нагло забрала из его рук стакан с водой и залпом выпила его.

На мгновение мне даже показалось, что я увидела вспыхнувшие изумрудным огнем его вертикальные зрачки, но когда вернула ему стакан, лицо дракона было непроницаемым.

Арден смотрел на пустой стакан в своей руке так, будто я только что совершила государственное преступление. Медленно, с плохо скрываемым раздражением, поставил его на стол и только после этого поднял на меня глаза.

— Вы закончили? — осведомился он ледяным тоном.

— Смотря что вы имеете в виду, — отозвалась я, чувствуя, как печать на ладони пульсирует в такт учатившемуся сердцу.

— Представление. Вы закончили представление?

Я недобро прищурилась.

— Знаете, господин ректор, — вновь скрестив руки на груди и уже почти свыкшись с мыслью, что это будет моя любимая поза на ближайшее время, — у вас удивительная способность переворачивать всё с ног на голову. Я — аудитор. Меня прислали сюда с проверкой. Это вы устроили здесь цирк, схватили меня за руку и это на мне теперь ваша дурацкая печать. А представление, значит, устраиваю я?

Грейстоун скрестил руки на груди, полностью зеркала мою позу. Сейчас передо мной стоял другой человек — собранный, жесткий, с плотно сжатой челюстью и вертикальными зрачками, которые выдавали раздражение сильнее любых слов.

— Вы хотите сказать, — произнес он очень тихо, — что вы, профессиональный аудитор, с допуском к материалам высшей категории секретности и личная ищейка Верховного, никогда не слышали о печати взаимного надзора?

— Не слышала, — отрезала я.

— Лжете.

— Да как вы смее! — задыхнулась я от возмущения.

— Смею, — он сделал шаг ко мне, и я, к своему стыду, отступила. — Потому что я, в отличие от вас, чувствую. Эта “дурацкая печать”, о которой вы так пренебрежительно отзываетесь, работает в обе стороны. И когда вы говорите, что не знали о ее существовании, я ощущаю не ложь, а... — он прищурился, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, — ...недосказанность. Полуправду. Что-то вы все-таки зна-

ете, мисс Кастельмор. И вы это от меня скрываете.

— Я ничего не скрываю! — рявкнула я, и печать на моей руке вспыхнула ярче, подтверждая, что я не вру.

Арден отреагировал на эту вспышку так, будто она была пощечиной. Он отшатнулся, провёл рукой по лицу и глухо, сквозь зубы, выругался.

— Прекрасно, — процедил он. — Черт бы подрал этого Верховного ящера!

— Что именно “прекрасно”? — уточнила я.

— То, что вы не врете, — Арден тяжело опустился в кресло. — Если бы вы ввали, я мог бы понять, чего от вас ждать. А так... — он поднял на меня уставшие глаза. — Так я вынужден верить, что Совет отправил ко мне аудитора, который даже не знает, какими инструментами его вооружили. Это либо чудовищная некомпетентность, либо чья-то хорошо спланированная игра. И я пока не решил, что хуже.

Мне хотелось резко возразить, сказать, что некомпетентность — это принимать проверяющего в таком виде, в каком он меня встретил. Но вместо этого я вдруг поняла, что действительно ничего не знаю об этой печати. Ничего. И это было унижительно.

— Объясните, — сказала я ровно. — Если вы знаете, что это такое — объясните. Потому что я действительно не понимаю, что произошло.

Арден долго смотрел на меня. Краем глаза я видела, как печать на его ладони мерцала ровным серебристым светом,

будто говоря ему: она не врёт, она не притворяется, она правда не понимает.

— Печать взаимного надзора, — наконец, заговорил он, — применяется в исключительных случаях. Когда Совет не доверяет ни проверяющему, ни проверяемому. Когда оба считаются... ненадежными. Она связывает нас на время проверки. Мы не можем лгать друг другу. Не можем разойтись дальше, чем на двести шагов. Не можем скрыть друг от друга то, что печать сочтет важным для дела. Если один из нас попытается, мы оба почувствуем боль. Если кто-то извне попытается нас разлучить — оба узнаем. Всё ясно?

— Предельно, — сказала я. — И сколько это длится?

— До окончания проверки. По регламенту — восемь недель.

Я на секунду закрыла глаза, просто чтобы не выругаться самыми крепкими словами, которые знала.

— Восемь недель, — повторила я.

— Восемь недель, — подтвердил он. — И если вы думаете, что это обстоятельство доставляет мне огромное количество безумной радости, то вынужден вас разочаровать.

— С того момента, как я переступила порог вашего кабинета, — почти бесцветным голосом, проговорила я, — вы только и делаете, что разочаровываете меня, ректор Грейстоун.

— Об этом тоже можете написать в докладной, — подсказал дракон, ехидно хмыкнув и хотел сказать что-то еще, но

в этот момент дверь кабинета без стука распахнулась.

На пороге стоял и трясся, как осенний лист на ветру, молоденький парнишка. Судя по нашивкам на форменном пиджаке, студент-первокурсник.

Лицо у него было бледное, глаза — круглые, как у человека, который только что увидел что-то, чего видеть не должен был. Он попытался заговорить, но с первого раза у него вышел только сдавленный писк, и он зажал себе рот ладонью, будто боялся, что оттуда вылетит что-то неприличное.

— Господин... господин ректор... — выдавил он наконец, и голос его сорвался на хрип.

— Что случилось? — спокойным голосом спросил Арден, но его поза говорила о том, что он готов сорваться с места в любую секунду.

— Там... — мальчишка махнул рукой куда-то в сторону коридора, и его затрясло ещё сильнее. — Там... в восточном крыле... на третьем этаже... мне сказали сходить за вами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.